

Неполеку от Троицкого собора был главный торговый порт города. Глубины у этого берега Большой Невы позволяли морским судам причаливать к длинному пирсу (он изображен на плане 1725 г.).¹⁴³ Кроме того, на известной гравюре А. И. Ростовцева «Гостин двор» видно, что корабли стояли и у деревянного, расположенного вдоль берега причала.¹⁴⁴ Первый Петербургский порт просуществовал до 1732 г., пока его не перевели на Стрелку Васильевского острова. У Троицкой площади были построены портовые сооружения: пакгаузы, амбары, важни (весовые), таможня. По примеру Амстердама и других портовых городов поблизости от пристани находился Кофейный дом, где желающие могли попробовать «кофий» — входивший в быт петербуржцев заморский напиток. Иностранец упоминает Кофейный дом, как здание стоящее на самом берегу Невы, которое во время наводнения в ноябре 1721 г. было затоплено до окон. По-видимому, место это было попримечнее, чем «Аустерия Четырех фрегатов», и тут во время подготовки к маскараду собирались дамы петербургского света.¹⁴⁵ После того как помещение кофейни было занято под портовую таможню, в 1722 г. на Троицкой пристани возвели новое здание Кофейного дома с винным погребом.¹⁴⁶ Очевидно, именно к Троицкой пристани причалил в ноябре 1703 г. первый иностранный корабль, о чем сообщили «Ведомости»: «В ноябре месяце пришел к Санктпитебурху карабль галанской (это был корабль фрисландского шкипера Выбеса. — *Е. А.*) с товары, с питьями, и с солью, на котором был шипер (шкипер. — *Е. А.*) и неколико матросов, и тот карабль по велению господина губернатора принят по обыкновению и за приход подарено вышепомянутому шиперу за столом в доме его губернаторском пять сот золотых... и при том сказано ему в обладеживание других, есть ли потом другой карабль туда придет, и тому, кто на том карабле, дано будет триста золотых...»¹⁴⁷

Приход корабля Выбеса был настоящим чудом для основателей Петербурга потому, что шведы надежно блокировали вход в устье Невы с моря и поворачивали все корабли, шедшие, как обычно в прежние годы, за лесом к Ниеншанцу. 12 августа 1703 г. Меншиков писал на Олонецкую

¹⁴² Там же. Оп. 2. Д. 37а. Л. 494.

¹⁴³ Цылов Н. И. Планы... (План 1725 г.).

¹⁴⁴ Алексеева М. А. Гравюра петровского времени. С. 152.

¹⁴⁵ Берхгольц Ф. В. Дневник... Ч. 1. С. 148, 151.

¹⁴⁶ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 44г. Л. 1445; Д. 25. Л. 39.

¹⁴⁷ Ведомости времени Петра Великого. М., 1903. Вып. 1. 1703—1707 гг. С. 95—96.

верфь Петру, что в Финский залив прибыло за брусом 12 голландских кораблей, а потом еще шесть подошли к устью реки Сестры. Приехавший в Петербург посуху шкипер одного из них сказал, что шведский адмирал Нуммерс их в Петербург не пропускает, но шкипер дал слово, что «ночью на одном корабле, на котором есть ренское (рейнское — любимое царем вино. — Е. А.), хотел пройтить [шведский] флот и притти к нам».¹⁴⁸ По-видимому, тогда, в августе, голландцам все же не удалось прорваться к внезапно возникшему русскому городу, но, как только шведская эскадра ушла на зимовку в Выборг, судно Выбеса с заморскими «питьями» причалило к Троицкой пристани.

Еще долгое время плаванье в Петербург было опасным, и даже в 1716 г., уже после Гангутской победы, англичане и голландцы посылали с караванами своих торговых кораблей военной конвой — шведское каперство (разрешенное государством пиратство) расцвело в эти годы на Балтике, и его жертвами становились не столько русские суда, которых было еще мало на Балтике, сколько купеческие корабли нейтральных стран. Юст Юль, приплывший к Усть-Нарве с посольством на датском корабле, описывает, какие трудности он и его люди испытали при высадке на берег. Шведы так стерегли ингерманландский берег, что русские не могли свободно даже выплыть на лодке, чтобы половить рыбы. Лишь в самом конце Северной войны, когда преимущество России стало подавляющим, а русский десант жег пригороды Стокгольма, шведы предпочитали не высовываться из своей военно-морской базы в Карлскруне, иностранные корабли свободно входили в Неву и во множестве стали швартоваться у Троицкой пристани. Они приходили сюда регулярно. Это видно по тому, что шкиперы даже называли суда в честь нового города «Санкт-Петербург», а также «Петергов».¹⁴⁹ Позже, во второй половине XVIII в., так же поступали американские капитаны, которые десятки раз (!) пересекали Атлантику на своих судах и из Бостона, Рокпорта, Ньюпорта и других портов Новой Англии приходили в Петербург за русскими товарами. Говорят, что они привозили из России сотни тысяч гусиных перьев и Декларация независимости США подписана была русским гусиным пером.

В течение почти всей Северной войны, и особенно — в ее начале, русский военно-морской флот был не в состоянии противиться шведам: он был еще слишком слаб, чтобы выйти в открытое море. Первые боевые суда Балтийского флота стояли (и зимовали, вероятно вытасченные на берег) под защитой пушек крепости, возле Петровского моста и в протоке, отделявшей Заячий остров от Городового (на шведской карте 1704 г. справа от крепости написано: «Здесь находится неприятельский флот»). «Флот, — писал в 1711 г. Юль, — стоит между крепостью Петербургом и Кронверком».¹⁵⁰

¹⁴⁸ Немиров Г. А. Построение Биржевого здания. С. 8.

¹⁴⁹ Там же. С. 14.

¹⁵⁰ Базарова Т. А. Санкт-Петербург на шведском плане начала XVIII века // ПЧ-96. С. 47; Юль Ю. Записки... С. 178.

Это и была первая в Петербурге военная гавань. По-видимому, в самом кронверке кроме арсенала были и склады корабельных припасов, а также была маленькая верфь, на которой строили галеры, а с 1709 г. ремонтировали небольшие суда.¹⁵¹ Здесь же, по мнению историка П. А. Кротова, был даже создан своеобразный военно-морской мемориал — под навесами хранились памятные для петровских моряков русские и шведские трофейные корабли.¹⁵²